

УДК 338.22

Регион: экономика и социология, 2016, № 1 (89), с. 6–33

А.И. Татаркин

МОДЕРНИЗАЦИОННОЕ ОБНОВЛЕНИЕ РОССИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА НА ОСНОВЕ ИННОВАЦИОННЫХ ИНИЦИАТИВ

В статье обосновывается положение, что эффективному использованию в воспроизводственном процессе результатов исследований инноваций может способствовать пересмотр роли регионов в пространственной диффузии инноваций. Регионы в состоянии активно развивать различные формы кооперации, в том числе с сопредельными территориями и зарубежными компаниями, при системной координации этих процессов со стороны федерального центра и в интересах развития всей Федерации, а не только отдельных территорий, обладающих объективными преимуществами или пользующихся особой инвестиционной поддержкой федерального центра. Превращение регионов в локомотивы инновационного развития потребует как минимум расширения их полномочий хотя бы до уровня, закрепленного в Конституции Российской Федерации, – как равноправных субъектов Федерации, обязанных и способных обеспечивать инновационное развитие территории на расширенной основе. Необходимы разработка, публичное обсуждение и реализация национального (федеративного) плана инновационного развития страны с подключением к его выполнению каждого субъекта Федерации, каждого муниципального образования и рыночных агентов на основе конкурсного отбора программ и бизнес-проектов. Задача экономической науки видится в разработке путей и механизмов восстановления и закрепления инновационно обновленного производственного статуса страны через консолидацию общества на основе системной модернизации экономики, через формирование инновационно активного населения, через разумное распределение инновационных полномочий

и имеющихся ресурсов между всеми субъектами социально-экономических и общественных отношений.

Ключевые слова: регион, воспроизводственный процесс, исследование инноваций, реиндустриализация, субфедеральные полномочия

За более чем 24 года рыночных преобразований российское руководство так и не решилось снять экономику с «сырьевой иглы» и использовать доходы от экспорта энергоресурсов на модернизацию и реиндустриализацию отечественной промышленности, все глубже подсаживая общество еще и на «иглу импортную». Пассивная инвестиционная позиция государства, Центробанка и бизнеса продолжает оставаться реальным ограничением для развития российской экономики [2; 10]. По общему мнению специалистов и представителей бизнеса, «санкции» Банка России, которые он осуществляет с начала 2014 г., внесли более значительный вклад в замедление экономического роста, чем санкции внешние, а «проводимая в 2014 г. кредитно-денежная политика никак не содействовала оживлению экономики» [2, с. 20]. По оценке академика А.Г. Аганбегяна, доля санкций со стороны Запада в сегодняшней ситуации не превышает 25–30%. Все остальные проблемы созданы собственными руками [1].

Как показала российская практика рыночных преобразований, решить задачу инновационного обновления производства с использованием институтов реиндустриализации всего воспроизводственного процесса федеральные органы не в состоянии в основном по причине нежелания применять советский опыт индустриализации страны через создание и развитие территориальных индустриальных систем, которые и стали локомотивами индустриализации.

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ФАКТОР ИННОВАЦИОННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Продолжающиеся попытки федерального центра актуализировать проблему инновационной модернизации отечественного производства и вывода его на выпуск конкурентной продукции, как правило, завершаются либо призывами без реальных действий, либо формаль-

ными действиями в формате «прогноза» относительно того, чтобы к 2015, 2020, 2030 гг. повысить долю инновационной продукции до «среднего мирового уровня» и «войти в двадцатку» стран с наиболее благоприятными условиями для развития производства.

Эффективному использованию в воспроизводственном процессе результатов исследований инноваций может содействовать пересмотр роли регионов в пространственной диффузии инноваций. Исследование инноваций должно стать локомотивом процессов развития, аккумуляирования и рекомбинации знания, способного обеспечить экономию транзакционных издержек в результате эффективного взаимодействия носителей разного знания, инновационной инфраструктуры и институтов, создающих среду этой коммуникации [17].

Следует признать, что существуют и иные оценки российских регионов. Например, И.В. Лексин [11] и В.И. Якунин с соавторами [18] отмечают отдельные несовершенства действующей Конституции РФ, особенно в части ее федеративного обустройства.

Мы не ставим своей задачей исследовать федеративную форму государственного устройства в исторической перспективе, это предмет специального анализа. Однако следует согласиться с И.В. Лексиным, что «отсутствие в российском обществе стремления к формированию федеративных отношений... не следует воспринимать как изъян, заслуживающий порицания и требующий исправления. Это данность, обусловленная действием множества факторов, с которой... необходимо считаться и которая не вечна и подвержена естественным изменениям. Приведение же территориального устройства России в соответствие с декларированным принципом федерализма возможно интерпретировать не только как восстановление желаемого порядка, но и как насилие над фактической ситуацией, выражающееся в навязывании политической самостоятельности сообществам, не готовым, не стремящимся к ней и не нуждающимся в ней даже в отдаленной перспективе» [11, с. 341–342].

Исторический опыт свидетельствует о том, что в послереволюционной России территориальные индустриальные системы имели огромный потенциал для индустриализации национальной экономики

и превращения аграрной страны в промышленную. А на современном этапе именно формирование и системное использование пространственных инновационных систем под разумным регулирующим «дирижированием» федерального центра позволило им выступить центрами инновационного развития Российской Федерации, опираясь на сложившуюся на территориях структуру промышленности и АПК, на возможности инфраструктурного обеспечения развития приоритетных сфер и видов деятельности. Регионы в большей степени способны активно развивать различные формы кооперации, в том числе с сопредельными территориями и зарубежными компаниями, при разумной и системной координации этих процессов со стороны федерального центра и в интересах развития всей Федерации, а не только отдельных территорий, обладающих объективными преимуществами или имеющих особую инвестиционную поддержку федерального центра.

Превращение регионов в локомотивы инновационного развития потребует как минимум расширения их полномочий хотя бы до уровня, закрепленного в Конституции Российской Федерации, – как равноправных субъектов РФ, обязанных и способных обеспечивать инновационное развитие территории на расширенной основе. Именно на этой экономической основе и происходит преимущественное объединение различных национальных и региональных образований в единую федерацию [14]. Межнациональная и пространственно-экономическая общность порождает при согласованном действии всех ее субъектов более эффективные формы социально-экономической интеграции и кооперации во всех сферах экономической и общественной жизни федерации. Именно федеральная общность и разнообразные формы интеграции и кооперации ее субъектов становятся (а вернее, призваны стать) дополнительным источником и новой «производительной силой» не только производственного и социального, но и всего общественного развития как федерации в целом, так и каждого ее субъекта при объективном учете их особенностей.

Сущностная особенность федеративной формы государственного устройства видится в использовании действенных институтов и механизмов, способных исключать из практики общенационального управления любые крайности, как то стремление отдельных субъектов

к чрезмерному расширению самостоятельности и претензии на особый статус, дающий «право» пользоваться федеральными преимуществами в ущерб другим субъектам. Не менее опасна и вредна другая крайность – чрезмерная централизация полномочий и доходных источников на уровне федерации, как это происходит у нас в последние годы, что неизбежно ограничивает возможности устойчивого развития и регионов, и федерации в целом. Использование гибких и наиболее результативных форм взаимодействия федерации со всеми ее субъектами с опорой на объективную и научно обоснованную оценку их возможностей становится принципиальным требованием устойчивого развития.

Закономерным итогом увлечения крайностями становятся сбои в общественном развитии, углубляющиеся диспропорции в воспроизводстве совокупного общественного продукта, нарастание в обществе недовольства политической и социально-экономической ситуацией и другие не менее опасные проявления «федеративной болезни», симптомы которой можно наблюдать во многих федеративных странах. Решение проблемы видится в разработке, публичном обсуждении и реализации национального (федеративного) плана инновационного развития страны с использованием программно-проектного подключения к его выполнению каждого субъекта РФ, каждого муниципального образования и рыночных агентов на основе конкурсного отбора программ и бизнес-проектов. Для этого необходимо с использованием исторического отечественного и зарубежного опыта разработать «дорожную карту» инновационного развития Российской Федерации, в которой следует в деталях прописать роль и место властных органов всех уровней, бизнеса, науки, образования и других сфер в разработке и реализации национального плана, в достижении его конечных результатов, позволяющих повысить конкурентный статус страны и ее населения. Практика Китая и других стран показывает, что решение такой масштабной и важной для страны задачи потребует от руководства и населения страны огромной мобилизации знаний и ресурсов, уважительного отношения к опыту и научным рекомендациям. Необходимо будет пересмотреть и органически объединить несколько крупных блоков, подобно тому как это было в период индустриализа-

ции, когда вопросы экономического районирования, формирования ТПК, энергопроизводственных циклов были в теории Н.Н. Колосовского и в конкретной практике советского промышленного строительства плотно интегрированы между собой. «Триада “экономический район – территориально-производственный комплекс – энергопроизводственный цикл” обеспечивала в течение десятилетий устойчивый экономический рост на масштабной индустриализации страны» [17, с. 9].

Большинство авторов, работающих в этом направлении, единодушны в том, что для превращения нового знания в инновации и через них – в более эффективную производительную силу необходимо, чтобы каждый уровень российского пространства, каждая рыночная структура и большая часть населения обеспечивали эффекты возрастающей результативности производительного использования нового знания. А это возможно при планомерной организации и координации в общенациональном масштабе усилий всех участников, при их нацеленности на безусловное достижение конечного результата. Планомерно согласованные в масштабах страны взаимодействие и сотрудничество способны сформировать и системно наращивать синергию пространства в интересах инновационного обновления экономики каждого региона и страны в целом. Различия начинаются при выборе первоочередных действий федерального центра по реализации высказанных предложений.

По мнению А.Н. Пилясова, необходимо прежде всего оптимизировать макроуровень российского пространства посредством нового экономического районирования и нового государственно-территориального устройства. Это нужно, поскольку «эффекты возрастающей отдачи генерируются в пространстве позитивных экстерналий, т.е. при быстром расширении площади распространения новых технологий, бизнес-процессов, экономических институтов от центров их генерирования дальше, в экономическом пространстве страны. Но для этого количество центров, от которых начинается диффузия нововведений в пространстве, не может быть слишком велико» [17, с. 9].

Иного мнения придерживается академик В.Л. Макаров. Он утверждает, что наиболее действенным механизмом и институтом

диффузии новых знаний и инновационных импульсов может стать, во-первых, грамотное использование рыночного механизма, основанного на объективных закономерностях рыночной системы хозяйствования, при целенаправленном использовании полученного знания в интересах общественного развития, при поддержании социального и политического согласия между разными группами населения. Во-вторых, в современных условиях «человечество все больше погружается в электронный мир, в котором любые действия человека становятся достоянием государства и общества. Поэтому рыночный механизм в какой-то степени приближается к плановому. Рынок перемещается в область “компьютерных калькуляций”, где определяются динамика и структура (отраслевая и пространственная) спроса и предложения на товары и услуги, оцениваются потребности и источники инвестиций, возможности инновационных обновлений важнейших для развития сфер и видов деятельности и т.д. Разрабатывается, по существу, “компьютерный план”, который требует особой процедуры и непривычных механизмов и институтов реализации» [12, с. 10]. В-третьих, «для реализации компьютерного плана предлагается использовать проектный подход и формировать систему проектной экономики как “нового типа экономики, следующей за классически рыночной”» [Там же]. По оценкам В.Л. Макарова, проектная экономика устраняет коренной недостаток рыночной экономики – «однобокую мотивацию, отсутствие духовной компоненты и, тем самым, смысла жизни» [Там же].

Требования, предъявляемые к проекту, В.Л. Макаров сводит к следующим положениям [12]:

- четко и понятно сформулированная цель проекта;
- сетевой график с подробным описанием всех работ, последовательности и сроков выполнения, с предусмотренными мерами ответственности за их нарушение;
- оформленные по всем юридическим правилам договоры с организациями, выполняющими работы по реализации утвержденного проекта;

- детально определенный источник финансирования всех работ и необходимых договоров по поставкам с указанием точных сумм и графиков;
- разработанные по всем техническим правилам проекты объектов строительства, монтажа и т.д.;
- финансирование каждого отдельного проекта независимо от всех остальных посредством создания отдельных специальных проектных счетов;
- руководитель проекта – генеральный или главный конструктор, профессионал в инженерных делах. А уже вторым лицом в руководстве может быть менеджер, специалист в бизнесе. Руководящая иерархия устанавливается исходя из природы проекта, который имеет цель в виде достижения определенного конечного результата, и на его достижение должны быть ориентированы все усилия руководителя. Если же во главе проекта будет стоять менеджер, бизнесмен, то какова бы ни была исходная цель, он будет стремиться получить прибыль. Поэтому и работа всех соисполнителей должна оцениваться по результатам реализации цели проекта, а не по локальным достижениям. Именно в этом суть проектной экономики и ее отличие от экономики рыночной.

Академик Б.Н. Кузык высказывает другие предложения по повышению инновационной активности: «Для решения задачи удвоения ВВП или еще более содержательной задачи – прорыва России в число развитых стран мира необходимо ориентироваться не на конъюнктурные, а на фундаментальные факторы экономического роста и экономического развития» [9, с. 493]. Решение этой задачи, по его мнению, требует как минимум удвоения внутренней динамики экономического роста при значительном ускорении развития обрабатывающих отраслей и сферы услуг. Стратегию инновационного прорыва предлагается формировать с ориентацией на параметры постиндустриального общества.

Общей закономерностью постиндустриального этапа развития является, с одной стороны, инновационное обновление используемых технологий для создания высококачественных товаров с высоким по-

требительским спросом, с другой стороны – системное развитие инновационных процессов в пространстве и времени как проявление закономерности перехода от индустриального этапа развития к постиндустриальному. Ведущие страны уже вступили или вступают в постиндустриальную стадию, характерными признаками которой становятся не только опережающее увеличение доли услуг и инноваций и сокращение доли промышленности, но также системные (в пространстве и времени) развитие и диффузия инновационных решений. Эпоха инноваторов-одиночек уходит вместе с индустриальной стадией развития, постепенно набирает силу постиндустриальное системное развитие инновационных процессов, возможность пользоваться их результатами становится доступной для всех заинтересованных участников. Российская Федерация в этих процессах участвует лишь как потребитель, продолжая оставаться страной сырьевого сектора.

В соответствии с теорией циклов примерно раз в десятилетие в базовых отраслях лидирующих экономик происходит смена поколений техники и технологий. Раз в полвека неизбежна смена преобладающих технологических укладов, а раз в несколько столетий – смена технологических способов производства. Каждый цикл начинается с технологического и экономического кризиса, в ходе которого осуществляется инновационное обновление материально-технической базы общественного воспроизводства. Чтобы Россия не оказалась «наблюдателем» происходящего технологического переворота и не утратила сформированный потенциал конкурентоспособности, руководству страны необходимо всемерно содействовать закреплению во всех сферах и отраслях пятого технологического уклада и ускоренному освоению шестого [7].

Общепризнанным двигателем инновационно-системного обновления и выхода на лидирующие позиции в мировой гонке были и остаются наука и изобретения в единстве с качественным и инновационно ориентированным образованием, общим и профессиональным. По оценкам специалистов, к 2030 г. в структуре экономики России продолжится «сползание» в сторону сокращения высокотехнологического сектора, в направлении, противоположном экономике знаний, к которой нас всех призывают. Ученые и эксперты считают,

что с такой структурой экономики Российская Федерация не сможет претендовать на роль высокотехнологичной державы. А это значит, что единственно приемлемым сценарием социально-экономического развития для нашей страны может быть только инновационный [1]. И такой шанс, по мнению рабочей группы, созданной по указанию Президента РФ Российской академией наук, у страны все же существует. Результаты работы группы подтвердили, что в России уже в 2008 г. имелись прорывные исследования и разработки в области критических технологий практически по всем направлениям шестого технологического уклада.

Проблемными остаются, во-первых, более активное производственное освоение предлагаемых наукой технологий и выход на их серийное тиражирование для внутреннего потребления и для расширения экспорта. Во-вторых – углубленные научные исследования по приоритетным для развития российской экономики направлениям инновационного обновления производства и повышения конкурентоспособности отечественных товаров на мировом рынке. И в-третьих – объективный, с учетом возможностей выхода на лидирующие инновационные позиции в мировом промышленном производстве, выбор субъектов ускоренного инновационного развития отечественной экономики. Как показала многолетняя практика рыночных преобразований в России, осуществляемых под жестким политическим, организационно-правовым и социально-экономическим прессингом со стороны федерального центра, инновационно содержательной реиндустриализации экономики страны российскому населению еще долго не видать. Поэтому многие авторы и обращают свои взоры на регионы, которые далеко не все и не с одинаковой активностью, но пытаются реализовывать инновационные сценарии социально-экономического развития своих территорий, в большей степени используя местные возможности и уцелевший от грабительской приватизации научный, производственный и образовательный потенциал развития.

Основным направлением модернизационного обновления отечественного производства становятся повышение инновационного содержания возрастающего инвестирования в экономику и приоритетная модернизация основного капитала. Инновационное обновление

основного капитала позволяет ускоренно осваивать пятый технологический уклад и приступать к освоению шестого, обеспечивая замену во всех сферах, отраслях и видах деятельности физически и морально устаревших основных фондов на более производительные и ресурсосберегающие. Системное решение данной задачи требует также системно модернизировать инвестиционную политику федеральных органов власти в интересах повышения инвестиционно-инновационной активности всего общества. Инвестиции – это «топливо» для общественного развития, и любые их ограничения, как и качественные отклонения от общественных потребностей (ограничение инвестиций в науку, образование, здравоохранение и т.д.), сужают возможности и сдерживают развитие.

Очевидно, эта известная истина воспринимается как «руководство к действию» далеко не всеми. Уровень бюджетного финансирования расходов инвестиционного характера в Российской Федерации в 2018 г. по сравнению с 2009 г. снизится в 2,1 раза, а по некоторым статьям – в 3 раза. Если в 2009 г. бюджетные инвестиции составляли 3,1% ВВП, в 2011 г. – 2,8%, в 2013 г. – 2,4%, в 2015 г., по оценкам Минэкономразвития, – 1,6%, то в 2018 г., когда российская экономика, по прогнозам, выйдет на траекторию устойчивого развития, они составят 1,5% [3]. Вот и верь при таких прогнозных оценках тому, что у российской экономики могут быть перспективы.

Академик А.Г. Аганбегян не без оснований утверждает, что Россия обладает огромными инвестиционными возможностями для модернизации и инновационного обновления экономики, для последовательного повышения уровня и качества жизни населения, для системного развития социальной сферы и инфраструктурного обустройства российского пространства. По его мнению, «активы российских банков составляют около 60 триллионов рублей – это самый крупный “денежный мешок” страны – в 2,5 раза больше всех средств консолидированного бюджета вместе с госфондами. Из всех активов банковской системы инвестиционный портфель – всего-навсего триллион. Меньше 2%» [1]. Такого «скудного» инвестиционного кредитования социально-экономического развития нет нигде в мире. Средний показатель кредитной обеспеченности экономик отечественными банками

в мире составляет 8%, а в развитых странах он колеблется в пределах 30–50%. Причину ситуации, сложившейся в России, А.Г. Аганбегян видит в несовершенстве закона о Центробанке, который «сидит» на золото-валютном резерве, расходует его куда угодно (за 2014 г. истратил 135 млрд долл. США), только не на инвестиции, не на экономический рост [1]. Инвестиции его не интересуют, как не интересует и социально-экономическое развитие страны, ее пространственное обустройство, поскольку это не прописано в федеральном законе о Центробанке. Надежды на изменение ситуации в связи с тем, что Банк России возглавил бывший министр экономики, к всеобщему сожалению, не оправдались.

Необходимо инвестиционно и инновационно модернизировать систему подготовки кадров для обновляемой экономики, формировать федеральные и региональные (межрегиональные, зональные) инженерные инвестиционно-инновационные центры по различным направлениям машино-, станко-, моторо-, приборостроения и др. в интересах обновления отечественной промышленности. Для ускоренного и успешного выполнения данной задачи требуются политическая воля, осознанное понимание стоящих перед страной целей, согласованные и скоординированные действия всех уровней власти и управления, что позволит подключить к ее выполнению весь бизнес и большинство населения Российской Федерации.

Актуальность оперативного обновления основного капитала обусловлена и тем, что до последнего времени эта задача лишь обсуждалась и оценивалась, но не решалась. Сегодня настало время, когда начинает действовать правило «промедление смерти подобно». Президент РФ В.В. Путин поставил задачу в течение ближайших двух лет нейтрализовать негативные процессы в экономике и обществе, с тем чтобы выйти на траекторию устойчивого социально-экономического развития, опираясь на обновляемое материальное производство [16]. О том, что эта задача до сих пор не реализуется в правительственных решениях, а лишь обсуждается, свидетельствует понижающаяся динамика большинства макроэкономических показателей.

Современная масштабная глобализация экономики и использование ее преимуществ и достижений главным образом развитыми

странами в их интересах ставят перед российским руководством принципиальный вопрос о приоритетном расширении взаимовыгодного сотрудничества со странами Европейско-Азиатского экономического сотрудничества, Шанхайской организации сотрудничества и БРИКС. Приоритетное развитие экономического сотрудничества, научно-технической и системной производственной кооперации в рамках созданных с участием Российской Федерации международных организаций позволит минимизировать внешние риски и поддерживать устойчивость социально-экономического развития. В рамках названного приоритета необходимо повысить внимание к мониторингу, реальному учету глобальных тенденций технологической динамики и своевременно отвечать производственно-технологическим освоением новых научных решений. Нужно активизировать исследовательскую и патентную работу, увеличивать экспорт и импорт патентов и технологий, привлекать иностранные инвестиции и расширять круг стратегических партнеров, разрабатывать и реализовывать национальную инновационную стратегию с их участием. Наконец, следует четко распределить «инновационные обязанности» между всеми участниками инновационного процесса – Федерацией, отраслями и госкорпорациями, регионами и муниципалитетами, академической наукой и вузами, создать работающую модель инновационного воспитания и формирования инновационно ориентированного поведения всех участников общественного воспроизводства. Без решения названных проблем инновационный рынок российского общества будет отложен надолго.

Задача экономической науки видится в разработке путей и механизмов восстановления производственного статуса Российской Федерации в качестве одного из мировых лидеров и его закрепления в инновационно обновленной форме – через консолидацию общества на основе системной модернизации, через формирование (с помощью институтов семейного и общественного воспитания, качественного образования, научно-технического творчества и др.) инновационно активного населения, через разумное распределение инновационных полномочий и имеющихся ресурсов между всеми субъектами социально-экономических и общественных отношений. Приоритетной

проблемой в этих условиях становится «перезаформирование всего институционального пространства в соответствии с консервативными ценностями, ценностями большинства... поскольку “либеральные” институты в неолиберальной социальной среде неизбежно генерируют лицемерие и цинизм, поощряют уклоняющееся, или, по-ученому, оппортунистическое поведение, нравственное оправдание нарушения законных норм» [6].

ИННОВАЦИОННО-ИНВЕСТИЦИОННАЯ АКТИВНОСТЬ РЕГИОНОВ КАК ОБЪЕКТИВНАЯ ЗАКОНОМЕРНОСТЬ ПРОСТРАНСТВЕННОГО ОБУСТРОЙСТВА РОССИИ

Особая роль регионов как фундамента национальной системы, источника и генератора инновационных процессов на всех уровнях федеральной инновационной системы и инновационного инвестирования видится в следующем. Во-первых, согласно Конституции РФ именно регионы являются учредителями и организаторами федеративного государства и призваны нести ответственность не столько за внешнеэкономическую и политическую сферы деятельности, сколько за организацию и функционирование реального сектора экономики и социальное самочувствие проживающего на их территориях населения. С этим можно спорить, приводя заслуживающие внимания аргументы «за» и «против» [14]. Бесспорной остается объективная необходимость четкого и содействующего развитию распределения между уровнями власти и рыночными агентами функций, полномочий и ответственности, связанных с их участием в общественном разделении труда и управлении социально-экономическим развитием всего федеративного образования и каждого его субъекта. Оптимальное распределение полномочий с ресурсным обеспечением их полноценного и качественного исполнения, реальная, а не формальная ответственность каждого уровня власти за своевременное и результативное исполнение закрепленных за ним полномочий, по нашему мнению, должны стать фундаментальным требованием в отношении формирования всей государственной системы Российской Федерации.

Попытки сосредоточить все политические, организационно-правовые, социально-экономические и управленческие функции лишь на уровне Федерации неизбежно сдерживают темпы экономического роста и порождают многие другие негативные явления. В результате ограничивается управляемость общественного развития, снижается его эффективность и нарушается сложившаяся устойчивость федеративной системы, что, согласно теории систем, может привести ее к разрушению и распаду. Сигналы о чрезмерной зацентрализованности управления и о сохранении страны как федерации лишь по формальным признакам, но как унитарной по существу вызывают нарастающую критику со стороны специалистов и российской общественности. «Запылесосив» налоговые доходы регионов и муниципалитетов и сконцентрировав большую их часть (на уровне 65%) в федеральной казне, федеральные чиновники начинают увлеченно «играть в демократию», частично отдавая бюджетные доходы обратно в регионы и муниципалитеты, но не как ими заработанные и «выстраданные», а «с барского плеча» – в виде субсидий, дотаций, трансфертов. По оценкам Л. Смирнягина, «из федерального бюджета в региональные, а через них – в местные ежегодно перекачивается около триллиона рублей» (цит. по: [5, с. 7]). Академик Е.М. Примаков предложил рассматривать оптимизацию экономических отношений между федеральным центром, субъектами Федерации и муниципалитетами в современных условиях как важнейшую проблему экономической политики российского руководства [15].

Тенденцией развития стран мирового сообщества становится политика децентрализации не только социальных и экономических функций и полномочий, но также части административных и даже политических. Такие меры предполагают передачу на нижестоящие уровни новых сфер полномочий и ответственности в области образования, здравоохранения, научных исследований и разработок в интересах приближения их к населению и повышения результативности их функционирования, в том числе за счет синергетического эффекта. В результате этих мер формируются и развиваются два принципиально важных процесса, которые непосредственно влияют на пространственную структуру инновационной активности.

Первый процесс обусловлен переходом с преимущественно национального уровня реализации инновационной деятельности на региональный, межрегиональный и международный. При всем этом наблюдается «растущая совместная эволюция различных видов государственной политики, которые реализуются на разных территориальных уровнях, так что политическая власть не кристаллизуется вокруг одного ядра или одного территориального уровня» [17, с. 27].

Второй процесс отражает смещение разработки инноваций от индивидуальных форм к совместным, от отдельных участников к коллективам. С одной стороны, инновационный процесс в условиях усиливающейся конкуренции на мировом и национальных глобализирующихся рынках все в большей степени становится «качественно новой ступенью на пути эволюции экономических систем, следующей за рыночно-конкурентной моделью и во многом ее отрицающей» [8, с. 49]. Замедленное формирование инновационной экономики в большинстве постсоветских стран можно объяснить тем, что их экономические системы ориентированы на заведомо неконкурентную в условиях экономики знаний рыночную модель развития, в то время как сегодня актуальна модель инновационного развития, основанная на совершенно иных закономерностях и формах взаимодействия. С другой стороны, в технологически развитых странах в последнее десятилетие все более зримо проявляются отнюдь не рыночные тенденции к интеграции субъектов хозяйственной деятельности в мегакорпорации со стратегической задачей тотальной монополизации национальных и мирового рынков.

Классическая рыночная конкуренция с присущими ей тенденциями к обособленности и индивидуализации результатов и некоторыми другими особенностями постепенно вытесняется набирающей обороты интеграцией возрастающего числа предприятий в инновационную бизнес-систему. Системообразующими принципами формирования таких бизнес-систем становятся отказ от стандартных рыночно-индивидуальных форм поведения в пользу коллективистских форм сотрудничества, постепенное вытеснение обособленности и конкуренции развивающимися формами интеграции и сотрудничества, переориентация предпринимательской деятельности с индивидуального

успеха и личной выгоды на синергетический эффект взаимодействия и коллективную выгоду. Расчеты показывают, что общий экономический эффект тем выше, чем большее количество разных по профилю и формам деятельности структур интегрировано в бизнес-систему для совместного коллективного действия. Подобные трансформации свидетельствуют о том, что устойчивый и инновационно ориентированный экономический рост возможен исключительно на основе дальнейшего *обобществления производства* и перехода к *коллективным формам хозяйствования* в рамках смешанной модели социально-экономического развития общества.

Развернутая характеристика этой тенденции в разных аспектах дается и другими авторами. В частности, социолого-экономический срез этой тенденции, которая, на наш взгляд, превращается в закономерность, дал К. Эрроу [19]. По его мнению, природа нового знания сегодня все сильнее влияет на трансформацию приоритетов в классической экономической дихотомии «индивидуальное – коллективное», или «экономический человек против общественных интересов». Вместо исключительно индивидуалистской парадигмы, на которую долгое время опиралась классическая экономика, ускоренно формируется и осваивается новая парадигма – коллективистских экономических ценностей. Их суть связана с коллективистской природой современного знания и возрастающей ценностью его использования многими субъектами рыночной экономики для ее инновационного обновления. Показателем усиления коллективистской природы нового знания можно считать увеличение доли совместных публикаций и коллективных научных исследований (по грантам, программам, госзаказам) по смежным темам.

По оценкам зарубежных и отечественных ученых, в современных условиях наиболее эффективны инновационная интеграция, кооперация и сотрудничество. В развитых странах ассоциативное поведение корпораций и реализация ими синергетического эффекта, например, в области научно-технического прогресса все в большей степени переносятся с макроэкономического уровня на мегаэкономический. Движущим мотивом для такого переноса становятся далеко не рыночные факторы. Сегодня лидеры мировой экономики обмениваются ре-

зультатами научных исследований и разработок на основе своеобразного бартера, а не продают их. Эти развивающиеся процессы бартерного обмена научно-исследовательскими разработками получили название «хайтеграция». Многими авторами хайтеграция определяется как «интеграция и сотрудничество нескольких развитых стран в области разработки и обмена высокими технологиями» [8, с. 52]. Она позволяет мировым лидерам использовать преимущества международного разделения труда в сфере НИОКР, в частности снизить затраты, отказаться от дублирования, ограничить доступ другим странам и компаниям к полученным результатам, что в итоге повышает конкурентные преимущества.

Активизируется развитие региональных инновационных систем как под воздействием возрастающих потребностей рыночных агентов, функционирующих на территории региона, в инновационном обновлении их производственной деятельности, так и под воздействием усиливающегося соперничества регионов за развитие импортозамещающего производства. Обе названные тенденции неизбежно требуют повышать роль региональных органов власти в координации научно-технологического сотрудничества рыночных агентов на территории регионов, развития кооперации с другими регионами и диффузии инновационных нововведений в российском пространстве. Как утверждает Д. Аудретш, понимание «роли географического пространства в инновационной деятельности прошло путь от почти полного игнорирования в исследованиях до признания важнейшим, интегрирующим все остальные, объектом изучения и анализа. Географическое пространство обеспечивает платформу не только для создания новых знаний, но и для коммерциализации этих знаний в результате процесса их перетока» (цит. по: [7, с. 131]).

Выдвижение инновационных систем регионов на лидирующие позиции в инновационном обновлении российской экономики отнюдь не умаляет роли национальной инновационной системы. Логика инновационного развития закономерно требует, с одной стороны, повышения профессионализма и компетентности в принятии инновационного решения при возрастающей ответственности за его результативную трансформацию в систему экономического и общественного

развития. С другой стороны, она требует оптимального, с точки зрения результативности инновационного ускорения общественного развития, распределения полномочий и компетенций между уровнями власти. Логично предположить, что вопросы, касающиеся межгосударственного инновационного сотрудничества, определения национальной стратегии и национальных приоритетов инновационного развития, реализации на конкурсной основе национальных и/или федеральных целевых инновационных программ и/или приоритетов, должны оставаться в исключительной компетенции федерального руководства. Диффузия нового знания, особенно по вертикали, наиболее эффективна только тогда, когда осуществляется через национальную инновационную систему, что обеспечивает интеграцию и координацию процессов его коммерциализации.

Иная логика напрашивается при конкретном осуществлении национальной инновационной стратегии, которая может, а по идее и должна осуществляться по двум каналам. Первый – общегосударственный заказ на реализацию инновационных приоритетов и программ научно-технологического освоения и/или производства нового инновационного продукта. Участниками государственного заказа могут выступать государственные и частные компании, научные и научно-внедренческие организации, а также региональные и межрегиональные центры развития (инновационные центры, технологические платформы, технопарки). Требования, предъявляемые к участникам государственного заказа, традиционные, они достаточно обстоятельно прописаны в федеральном законе о госзаказе (от 21 июля 2005 г. № 94).

Второй канал осуществления национальной инновационной стратегии – общегосударственный конкурс на реализацию отдельных приоритетов стратегии, программ инновационного развития отдельных территорий, инновационного обновления, модернизации отдельных приоритетных сфер и видов деятельности. Логично, чтобы в этом конкурсе участвовали прежде всего регионы и межрегиональные объединения, которые бы осуществляли общегосударственную инновационную стратегию на своих территориях. Можно обсуждать и уточнять детали, более обстоятельно прорабатывать процедуры организации и про-

ведения конкурса, как и процедуры подведения итогов и определения победителей. Важно другое: к разработке, обсуждению и реализации федеральной инновационной стратегии должны быть привлечены все заинтересованные структуры и большинство российского населения. При этом условии стратегия станет восприниматься как общенациональная и доступная для участия в ее реализации всех, кто способен обеспечить лучший результат.

Последовательное воплощение в жизнь высказанных предложений возможно, по нашему мнению, исключительно при расширении полномочий регионов и муниципалитетов и полноценном финансовом обеспечении этих полномочий налоговыми доходами. Самодостаточность и процветание любого государственного образования обеспечиваются «всем миром», при активном участии всего населения, всех рыночных агентов, каждого уровня властной структуры. И в этом движении нет и не должно быть исключений, тем более слабых звеньев, способных своими антидействиями или бездействием сдерживать развитие и приводить к деструктивным последствиям. А в России сегодня так и происходит.

Каждое федеративное государственное образование имеет свою, как правило, основанную на исторических, национально-культурных, социально-экономических и иных особенностях систему бюджетных отношений с субъектами. В Германии, к примеру, доля земель в консолидированных доходах федерации составляет примерно 70%, в США, Канаде и Китае – в интервале 60–65%, в Бразилии и Индии – не менее 40%. Особый межбюджетный статус у кантонов Швейцарии, на долю которых приходится 90% консолидированных доходов [5]. Российское руководство продолжает слепо копировать западный опыт (классического рыночного фундаментализма, к примеру) по многим процессам общественного развития, но не в сфере федеративных отношений, которые продолжают оставаться сверхцентрализованными, что лишает возможностей развития и регионы, и муниципалитеты, а особенно малый и средний бизнес. Сегодня бюджетные доходы регионов составляют около 25% консолидированных доходов федерального бюджета, муниципалитетов – менее 10%, а это и теоретически, и реально препятствует их развитию, вынуждая их постоян-

но обращаться к вышестоящим органам за дотациями на текущие расходы либо под разными предлогами привлекать для решения текущих проблем средства бизнеса и населения. Но это уже другая сторона поведения власти, тяготеющая к уголовной.

Данное обстоятельство в последнее время стало предметом серьезной критики и профессионального обсуждения. Как отметил Е.М. Примаков, «нынешнее экономическое состояние большинства субъектов Российской Федерации вызывает тревогу» [15, с. 10]. Тревога эта, по его мнению, вызвана двумя негативными тенденциями. С одной стороны, в последнее десятилетие в России вдвое сократилось число регионов-доноров, что свидетельствует о необходимости серьезной оценки данной тенденции и оперативного принятия действенных мер по ее преодолению. С другой стороны, резко выросла дефицитность бюджетов большинства регионов и муниципалитетов. На начало 2014 г. дефицит составил 642 млрд руб., что в 3,3 раза превысило прогнозы Министерства финансов. По оценкам, в 2014 г. регионам пришлось погасить более 430 млрд руб. коммерческого долга, а к концу 2016 г. только на его обслуживание придется тратить каждый шестой рубль бюджетных доходов регионов. Причина роста бюджетной задолженности регионов и муниципалитетов проста до банальности: это вышедшая за критическую черту централизация бюджетных доходов РФ, две трети которых концентрируется в федеральном бюджете.

В дискуссии о перспективах оптимизации отношений между Федерацией, ее субъектами и муниципалитетами масла в огонь подлил подписанный в июне 2014 г. Президентом РФ закон, принципиально меняющий сложившуюся модель местного самоуправления. Законом вводится, а точнее, восстанавливается двухуровневая система в крупных городах, имеющих районное деление, с соответствующим ограничением прав населения избирать депутатов и мэра городского муниципалитета. Регионам «предоставлено право самостоятельно определять способы избрания глав муниципалитетов, а также формирования всех органов МСУ на своей территории» [4, с. 12], в противовес ст. 130 Конституции, в которой записано, что «местное самоуправление осуществляется гражданами путем референдума, выборов, дру-

гих форм прямого волеизъявления, через выборные и другие органы местного самоуправления», а в ст. 131 закреплено правило: «структура органов местного самоуправления определяется населением самостоятельно». «В результате подобной реформы существует риск, что российские города лишатся не только выбранных мэров, но и выбранных городских парламентариев. А разделение городов на районы только усилит управленческую неразбериху и может увеличить затраты на содержание чиновничьего аппарата» [4, с. 13]. Бывший министр финансов России А.Л. Кудрин пожелал депутатам научиться считать, в какую сумму могут обходиться государству их законодательные инициативы.

Результативное функционирование региональных инновационных систем, а через них и национальной возможно лишь при наличии системно и эффективно работающих локальных инновационных систем (подсистем) на уровне отдельных компаний, фирм и предприятий. Пока этот уровень оценивается как наиболее слабое звено национальной и региональных инновационных систем. Объяснений этому много, и они разные. Страх руководителей и менеджеров перед трудоемкостью и возрастающими рисками инновационного обновления, слабая компетенция управленцев при отсутствии жесткой позиции федерального центра в поэтапной замене сырьевого сценария социально-экономического развития страны сценарием инновационным, отсутствие надлежащей макроэкономической среды и стимулов – это далеко не полный перечень причин, сдерживающих инновационную активность государственных и частных компаний.

Среди первоочередных мер по повышению инновационной активности компаний считаем нужным выделить следующие. Во-первых, необходимо освободить менеджеров компаний и банков от укоренившейся иллюзии, будто доходность компаний и банков может увеличиваться за счет бесконтрольного роста цен и тарифов, а также за счет постоянной государственной поддержки крупных банков. Надо не только прекратить компенсировать из средств бюджета провалы госкомпаний и банков с государственным участием, но и нацеливать их деятельность на развитие экономики посредством ускоренного инно-

вационного обновления и развития промышленности, в том числе и за счет расширения доступного банковского кредитования.

Во-вторых, необходимо потребовать от всех компаний через Российский союз промышленников и предпринимателей, профильные министерства и ведомства, профсоюзы и региональные органы, чтобы были разработаны и внедрены положения о стимулировании инновационной (рационализаторской, изобретательской) активности у разных категорий работников компаний. Сегодня отмечается сверхслабая мотивация работников к инновационной активности. От 65 до 74% опрошенных рабочих утверждают, что «инновационная инициатива наказуема». Такого же мнения придерживаются 57–63% менеджеров низового и среднего звена. Почти 60% руководителей отделов считают, что компания не располагает ресурсами для инноваций, а кредиты банков недоступны.

В-третьих, возрастает потребность активнее, целенаправленнее и, главное, профессионально пропагандировать практику использования инновационных преимуществ в развитии не только крупных и средних компаний, но также малого и индивидуального предпринимательства. По логике, государственные телеканалы, радио и печатные издания этими вопросами и должны заниматься, но из-за бесконтрольности со стороны власти не занимаются.

В-четвертых, надо создать условия, при которых региональные и муниципальные органы власти будут активнее интегрировать расположенные на их территориях компании, бизнес и население для системной реализации инновационных программ и проектов посредством координации процессов кооперации и формирования новых институтов развития. Примеры подобной интеграции уже есть, но лишь на уровне инициатив и сопряженные с высокими рисками для инициаторов.

Закономерная трансформация нового экономического знания в фундаментальную основу любого современного инновационного процесса придает ему коллективистски-социальный характер, возвышая его до уровня национального общественного и международного знания. Передача нового знания в пространстве и во времени становится решающим условием его производительного использо-

вания в интересах получения конкурентных преимуществ на национальном и мировом рынках товаров и услуг. Инновационный процесс разворачивается через региональные, национальные и международные сети одновременно по нескольким пространственным направлениям, что ограничивает возможности его узкоместнического обособления и субъективной оценки [13]. Есть свидетельства тому, что обмен знаниями по глобальным информационным каналам, между разными пространственными уровнями может содействовать появлению новых инновационных решений в не меньшей степени, чем обмен внутри региональных или локальных инновационных систем [17]. Именно поэтому региональный уровень пространственного распространения и производственного освоения новых знаний и инновационных решений становится основным звеном национальной инновационной системы.

Национальная инновационная стратегия, базирующаяся на балансе интересов, научных и производственных возможностей федерального центра и регионов, через национальные программные приоритеты (по прорывным технико-технологическим направлениям) могла бы стать для регионов главным импульсом для восстановления и модернизации промышленности на новой технико-технологической и организационной основе. Но для этого необходимо кардинально изменить существующую практику межбюджетных отношений, обеспечив в первую очередь муниципалитеты и регионы налоговыми доходами для инновационного развития.

Слишком затянулись поиски Российской Федерацией наиболее «комфортной» формы общественно-политического и социально-экономического обустройства и развития. Приоритеты и цели непрерывно уточняются и не всегда обоснованно меняются, далеко не всегда в лучшую для большей части населения сторону. Постоянным остается только одно – отстаем и делаем вид, что догоняем.

Статья подготовлена при финансовой поддержке программы УрО РАН № 14 (проект 82-51-47-2013 «Разработка стратегических ориентиров развития и инструментов освоения северных, полярных и арктических территорий»)

Список источников

1. Аганбегян А.Г. Год голого короля // Аргументы недели. – 2015. – 29 янв.
2. Баранов А.О., Павлов В.Н., Тагаева Т.О. Тревожные перспективы: прогноз развития экономики России на 2015–2017 гг. // ЭКО. – 2014. – № 12. – С. 15–35.
3. Вислогузов В., Бутрин Д. Прокрустинвест: Белый дом готов резать расходы даже на будущий экономический рост // Коммерсантъ. – 2015. – 2 июня.
4. Гудкова В. В шаге от падения: Как уберечь от него российскую экономику? // Аргументы и факты. – 2015. – 21–27 янв.
5. Гурдин К. Регионы вышли за флажки // Аргументы недели. – 2014. – 23 окт.
6. Дискин И. Очередные задачи консервативной модернизации // Известия. – 2014. – 19 дек.
7. Инновационное развитие России: проблемы и решения / Под ред. М.А. Эскиндарова, С.Н. Сильвестрова. – М.: Анкил, 2013. – 1216 с.
8. Кохно П. России нужна инновационная экономика труда // Человек и труд. – 2013. – № 5-6. – С. 47–52.
9. Кузык Б.Н. Россия в цивилизованном измерении: фундаментальные основы стратегии инновационного развития. – М.: Институт экономических стратегий, 2008. – 864 с.
10. Кулешов В.В. Современные вызовы социально-экономическому развитию России // ЭКО. – 2014. – № 12. – С. 5–14.
11. Лексин И.В. Стабильность Конституции Российской Федерации и динамика территориального устройства страны // Регион: экономика и социология. – 2013. – № 4 (80). – С. 330–344.
12. Макаров В.Л. К вопросу о проектной экономике // Экономическая наука современной России. – 2013. – № 3. – С. 8–14.
13. Минакир П.А., Демьяненко А.Н. Очерки по пространственной экономике / Отв. ред. В.М. Полтерович. – Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2014. – 272 с.
14. Пешина Э.В., Стрекалова А.А. Государственное устройство федеративного государства как базисная конструкция компаративного анализа // Федерализм. – 2014. – № 3. – С. 95–106.
15. Примаков Е.М. Важнейшая проблема экономической политики // Российская газета. – 2014. – 21 мая.
16. Путин В.В. Логика жизни заставит нас выйти из кризиса // Российская газета. – 2014. – 19 дек.
17. Синергия пространства: региональные инновационные системы, кластеры и перетоки знания / Отв. ред. А.Н. Пилясов. – Смоленск: Ойкумена, 2012. – 760 с.
18. Якунин В.И., Багдасарян В.Э., Сулакишин С.С. Новые технологии борьбы с российской государственностью. – М.: Научный эксперт, 2009. – 424 с.

19. Arrow K. Methodological individualism and social knowledge // AEA Papers and Proceedings. – 1994. – Vol. 84, No. 2. – P. 1–9.

Информация об авторе

Татаркин Александр Иванович (Россия, Екатеринбург) – академик РАН, директор. Институт экономики Уральского отделения РАН (620014, Екатеринбург, ул. Московская, 29, e-mail: tatarkin_ai@mail.ru).

DOI: 10.15372/REG20160101

Region: Economics & Sociology, 2016, No. 1 (89), p. 6–33

A.I. Tatarkin

INNOVATION-BASED MODERNIZATION OF THE AREA OF RUSSIA

The article claims that an effective use of the findings from a study of innovation in the reproduction process may result from revising the role of regions in the spatial diffusion of innovations. Regions are mostly able to develop actively various forms of cooperation, including ones with neighboring territories and foreign companies when these processes are systematically coordinated by the government and serve the interests of the entire Federation and not just individual regions with objective benefits or special investment support from the government. Converting regions into the drivers of innovative development will require expanding their powers at least to the level stated in the Constitution of the Russian Federation as equal subjects of the Federation, obliged and able to guarantee the extended innovative development of an area. There is a need in elaborating, deliberating and implementing a national (federative) plan of innovative development of the country that will involve all federal subjects, municipalities, and market agents by selecting programs and business projects on a competitive basis. Economic science aims at formulating ways and methods to restore and strengthen the innovation-renovated manufacturing status of Russia – by consolidating the community through systematic

modernization, organizing innovatively active population, rationally distributing innovation powers and available resources among all the parties to socio-economic and social relationships.

Keywords: region, reproduction process, study of innovation, reindustrialization, subfederal powers

The publication is supported by the Program of the UrB RAS No. 14 (project No. 82-51-47-2013 «Formation of strategic guidelines and tools for the development of the northern, polar and Arctic territories»)

References

1. *Aganbegyan, A.G.* (2015). God gologo korolya [The year of the Naked King]. Argumenty nedeli [Arguments Weekly], Jan. 29.
2. *Baranov, A.O., V.N. Pavlov & T.O. Tagaeva.* (2014). Trevozhnye perspektivy: prognoz razvitiya ekonomiki Rossii na 2015–2017 gg [Troubling prospects: forecast of the Russian economy development for the period 2015–2017]. EKO, 12, 15–35.
3. *Visloguzov, V. & D. Butrin.* (2015). Prokrustinvest. Belyy dom gotov rezat raskhody dazhe na budushchiy ekonomicheskiy rost [Procrustinvest. The Government is ready to cut down expenses even on the future economic growth]. Kommersant, June 2.
4. *Gudkova, V.* (2015). V shage ot padeniya. Kak uberech ot nego rossiyskuyu ekonomiku? [A footstep away from the fall. How to prevent the Russian economy from falling?]. Argumenty i fakty [Arguments and Facts], Jan. 21–27.
5. *Gurdin, K.* (2014). Regiony vyshli za flazhki [Regions push the envelope]. Argumenty nedeli [Arguments Weekly], Oct. 23.
6. *Diskin, I.* (2014). Ocherednye zadachi konservativnoy modernizatsii [Regular objectives for the Russian economy]. Izvestia, Dec. 19.
7. *Eskindarov, M.A. & S.N. Silvestrov* (Eds.). (2013). Innovatsionnoe razvitie Rossii: problemy i resheniya [Russia's Innovation Development: Problems and Solutions]. Moscow, Ankil Publ. 1216.
8. *Kokhno, P.* (2013). Rossii nuzhna innovatsionnaya ekonomika truda [Russia needs innovative labor economy]. Chelovek i trud [Man and Labor], 5-6, 47–52.
9. *Kuzyk, B.N.* (2008). Rossiya v tsivilizovannom izmerenii: fundamentalnye osnovy strategii innovatsionnogo razvitiya [Russia in Civilized Dimension: Fundamentals of Innovative Development Strategy]. Moscow, Institute for Economic Strategies, 864.
10. *Kuleshov, V.V.* (2014). Sovremennye vyzovy sotsialno-ekonomicheskomu razvitiyu Rossii [Current challenges of the socio-economic development in Russia]. EKO, 12, 5–14.

11. *Leksin, I.V.* (2013). Stabilnost Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii i dinamika territorialnogo ustroystva strany [The stability of the Constitution and dynamics of the spatial structure in Russia]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 4 (80), 330–344.

12. *Makarov, V.L.* (2013). K voprosu o proektnoy ekonomike [On project economics]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii* [Economics of Contemporary Russia], 3, 8–14.

13. *Minakir, P.A., A.N. Demyanenko & V.M. Polterovich* (Ed.). (2014). Ocherki po prostranstvennoy ekonomike [Essays on Spatial Economics]. Khabarovsk, ERI FEB RAS, 272.

14. *Peshina, E.V. & A.A. Strelkova.* (2014). Gosudarstvennoe ustroystvo federativnogo gosudarstva kak bazisnaya konstruktsiya komparativnogo analiza [Federal state structure as the basic construction of the comparative analysis]. *Federalizm* [Federalism], 3, 95–106.

15. *Primakov, Ye.M.* (2014). Vazhneyshaya problema ekonomicheskoy politiki [The most important problem of economic policy]. *Rossiyskaya gazeta* [Russian Gazette], May 21.

16. *Putin, V.V.* (2014). Logika zhizni zastavit nas vyyti iz krizisa [The logic is to get out of the crisis]. *Rossiyskaya gazeta* [Russian Gazette], Dec. 19.

17. *Pelyasov, A.N.* (Ed.). (2012). Sinergiya prostranstva: regionalnye innovatsionnye sistemy, klastery i peretoki znaniya [Synergy in space: regional innovation systems, clusters and knowledge spillovers]. Smolensk, Oykumena Publ., 760.

18. *Yakunin, V.I., V.E. Bagdasaryan & S.S. Sulakshin.* (2009). Novye tekhnologii borby s rossiyskoy gosudarstvennostyu [New Technologies to Grapple with Russian Statehood]. Moscow, Nauchnyy Ekspert Publ., 424.

19. *Arrow, K.* (1994). Methodological Individualism and Social Knowledge. *AEA Papers and Proceedings*, Vol. 84, No. 2, 1–9.

Information about the author

Tatarkin, Aleksandr Ivanovich (Yekaterinburg, Russia) – Full Member of the Russian Academy of Sciences, Director at the Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya St., Yekaterinburg, 620014, Russia, e-mail: tatarkin_ai@mail.ru).

Рукопись статьи поступила в редколлегию 26.10.2015 г.

© Татаркин А.И., 2016